

Доктор Роджер Грин, Реформация в настоящее время, Лекция 26, Дитрих Бонхёффер

© 2024 Роджер Грин и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роджер Грин в своем курсе истории церкви «Реформация до наших дней». Это сессия 26 по Дитриху Бонхёфферу.

Сегодня 22 ноября, и в 1963 году этого дня, что произошло? Конечно, давайте посмотрим, знает ли Грант.

О, у нас есть несколько человек, которые сегодня увидели свет. Мы думали, вы, ребята, уехали домой на каникулы по случаю Дня благодарения. Ладно, мы просто задаем вопрос, прежде чем начнем.

Сегодня 22 ноября, и в 1963 году, 50 лет назад; что произошло в этот день 50 лет назад? Это было во всех газетах. JFK, абсолютно JFK. Теперь, вот чего люди не понимают.

Что-то произошло в истории церкви в этот день, 22 ноября 1963 года, в тот же день, что и убийство Кеннеди. К. С. Льюис умер в тот день, и он не получил никакой прессы, потому что все внимание мира было сосредоточено на убийстве Кеннеди. Итак, К. С. Льюис умер, и никто не обратил на это внимания, на самом деле.

Я думаю, что некоторые христианские журналы так и сделали. Так вот, мы потеряли К. С. Льюиса в этот день 50 лет назад. Так что это была большая потеря.

Ну, просто для быстрого размышления сегодня, и поскольку мы говорим о Дитрихе Бонхёффере, я просто хочу прочитать из «Цены ученичества», и если вы не читали эту книгу, вы захотите ее прочитать. Это действительно, это сильная книга. Она действительно основана на Нагорной проповеди, и он начинает книгу с разговора о том, что мы упоминали на занятии на днях: дорогостоящая благодать.

Дешевая благодать — смертельный враг нашей церкви. Мы сегодня боремся за дорогую благодать. Дешевая благодать означает благодать как доктрину, принцип, систему.

Это означает прощение грехов, провозглашенное как общая истина. Любовь к Богу преподается как христианское, кавычки, представление, конец кавычек,

Бога. Интеллектуальное согласие с этой идеей считается достаточным для обеспечения прощения грехов.

Церковь, которая придерживается правильного учения о благодати, как предполагается, *ipso facto* имеет часть в этой благодати. В такой церкви мир находит дешевое прикрытие для своих грехов. Не требуется никакого раскаяния, тем более какого-либо реального желания освободиться от греха.

Дешевая благодать, следовательно, равносильна отрицанию живого слова Божьего. Фактически, отрицанию воплощения слова Божьего. Дешевая благодать означает оправдание греха без оправдания грешника.

С другой стороны, дорогая благодать — это Евангелие, которое нужно искать снова и снова, дар, который нужно просить, и дверь, в которую человек должен постучать. Такая благодать дорога, потому что она призывает нас следовать, и это благодать, потому что она призывает нас следовать за Иисусом Христом. Она дорога, потому что она стоит человеку его жизни, и это благодать, потому что она дает человеку его единственную истинную жизнь.

Она дорогая, потому что осуждает грех, а благодать — потому что оправдывает грешника. Прежде всего, она дорогая, потому что стоит Богу жизни его сына. Вы были принесены ценой, и то, что стоило Богу многого, не может быть дешевым для нас.

Прежде всего, это благодать, потому что Бог не посчитал своего сына слишком дорогой ценой за нашу жизнь, но предал его за нас. Дорогостоящая благодать есть воплощение Бога — Цена ученичества.

Итак, если вы, ребята, не читали «Цену ученичества», вам стоит добавить ее в свой список для чтения. Позвольте мне спросить моих двух друзей, которые только что пришли, что произошло 50 лет назад и по сей день? Да, 22 ноября 1963 года. Это было во всех газетах.

Было ли это? Спасибо за это. Это было убийство Джона Ф. Кеннеди. А что же произошло в истории церкви? Интересно, кто знает.

Что произошло в истории церкви 50 лет назад? Это К. С. Льюис, который умер в тот день 50 лет назад в тот же день, что и Кеннеди. Мы упоминали на занятиях, что никто не обращал на это внимания, потому что все внимание было уделено Кеннеди. Итак, ну, у нас есть, теперь у нас есть, у нас есть первые истинно верующие, и теперь у нас есть четыре человека, которые увидели свет, и у нас есть только один отступник.

Итак, теперь мы можем просто продолжить путешествие, и я надеюсь, что у вас будет замечательный День благодарения. Мы не будем вместе до следующей недели с понедельника, и в эту среду вы хотите задать мне четыре вопроса, потому что на следующей неделе, с понедельника и среды, мы увидим видео о Дитрихе Бонхёффере под названием «Воспоминания и перспективы». В пятницу у нас будет обзорная сессия.

В понедельник мы заканчиваем лекции. В следующую среду мы проведем вторую обзорную сессию. Таким образом, у нас осталось пять учебных дней, когда мы вернемся.

Итак, все идет довольно быстро. Итак, где мы должны быть? Мы в Дитрихе Бонхёффере, один бэкграунд, два теологии, и я просто хотел упомянуть некоторые аспекты его теологии. Первое, что я упомянул, это экклезиология и церковь как сообщество.

Итак, это довольно важно для Дитриха Бонхёффера. А затем второе, до чего мы не добрались, я не думаю, христология. Дошли ли мы до его христологии? Нет.

Мы не добрались до его христологии. Так что учение о Христе, опять же, очень важно. Вы видели это в том, что мы читали о стоимости ученичества.

Что такое евангелие? Что такое дорогая благодать? Дорогая благодать — это воплощение Бога. Итак, дорогая благодать — это Бог, пришедший во плоти в лице Иисуса Христа. Итак, это дорогая благодать.

Итак, Иисус Христос — центр его теологии, фокус его теологии. Все вращается вокруг этого и воплощения. Он на самом деле написал книгу.

Одна из его книг называлась «Христос — центр». Так что это дает вам представление о том, насколько это было для него критически важно. Так что теперь он — центр чего? Он — центр всей реальности.

Христос — центр всей реальности. Христос — центр всего сущего. И поэтому Христос — объединяющий фактор мира для Дитриха Бонхёффера.

Теперь, мир может не знать этого, но теологически Бонхёффер верил, что Христос является центром реальности, включая реальность мира. Теперь, это приводит меня к тому, что иногда я слышу, как студенты Гордона говорят, теперь, я знаю, что никто из вас больше никогда этого не скажет после этого занятия. Иногда я слышу, как студенты Гордона говорят, когда я выйду в реальный мир, теперь, возможно, никто из вас никогда этого не говорил, но когда я выйду в реальный мир, у меня есть для вас новости.

Это реальный мир. Любое сообщество, которое принимает это послание всерьез, что Христос является центром жизни сообщества, к чему мы в Гордоне относимся довольно серьезно, означает, что это реальный мир. Это реальность, как ее представляет Дитрих Бонхёффер.

Когда вы выходите из колледжа Гордон, вы не попадаете в реальный мир. В каком-то смысле вы попадаете в нереальный мир, потому что вы попадаете в мир, который не признает Христа центром реальности. Поэтому я знаю, что никто из вас никогда, с этого момента, никогда в жизни не скажет: когда я попадаю в реальный мир, вы в реальном мире. Добро пожаловать в реальный мир в колледже Гордон.

Итак, вот оно, и вы собираетесь выйти в совершенно нереальный мир, насколько это касается Бонхёффера, во всяком случае. Так что он — центр. Теперь пара вещей о Христе как центре всей этой реальности.

Три вида образов, в некотором роде. Один образ заключается в том, что Христос, который пришел и является центром реальности, является страдающим Христом. Бог является страдающим Богом.

Итак, Бог осознает и понимает страдания человечества. Итак, когда мы страдаем, Бог страдает, потому что он страдающий Бог. Это один образ, в каком-то смысле.

Второй образ — Христос как посредник. Христос — посредник между тобой и мной. Христос — посредник между нами и миром.

Христос — посредник между нами и Богом. Да благословит вас Бог. Поэтому посредническая функция Христа очень важна для Бонхёффера.

Он много говорит о Христе как о посреднике. И затем третий образ — это своего рода образ вопроса. Третий образ — это вопрос: кто Христос для нас сегодня? Это вопрос, который всегда находится наверху размышлений Дитриха Бонхёффера.

Кто такой Христос для нас сегодня? Что Христос значит для нас как для сообщества сегодня? Что Христос значит для мира сегодня? Итак, есть эти три вида образов Бонхёффера, когда он имеет дело со своей христологией. Итак, номер один — это экклезиология. На самом деле, у нас есть номер два, теология, по Бонхёфферу, и затем мы упомянули некоторые вещи.

Итак, номер один — экклезиология. Номер два — христология. Номер три — религия, кавычки и то, что он назвал христианством без религии.

Религия и христианство без религии. Теперь, это требует некоторого объяснения, и Бонхёффера здесь очень, очень легко понять неправильно. Под религией он подразумевает все наши попытки найти Бога, познать Бога, узнать о Боге, это и есть религия.

И ему не нравится религия, не нравится слово религия, не нравится концепция религии. Потому что религия создает у людей впечатление, что нам нужно найти Бога, что нам нужно познать Бога и так далее. Поэтому мы проходим через все эти религиозные задания, чтобы попытаться найти Бога.

Нет, это не путь вперед для Дитриха Бонхёффера. Путь вперед — это то, что он назвал христианством без религии, а христианство без религии означает, что Бог находит нас во Христе. И когда Бог находит нас во Христе, именно в результате этого, находя нас по своей благодати во Христе, мы хотим жить той жизнью, которая угодна ему, и мы хотим верить в те доктрины, которые объясняют Библию и так далее.

Но для него религия — плохая новость, потому что это все мы пытаемся найти Бога каким-то образом, и это плохая новость. История Библии не о том, как мы находим Бога. История Библии о том, как Бог находит нас во Христе.

Итак, религия и христианство без религии. Хорошо, четвертое — это мир. Что сказал Бонхёффер о мире? Ну, он много говорит о мире, но первое, что он говорит о мире, это то, что мир был создан Богом.

Бог создал мир. Следовательно, он изначально хорош. Так что Бонхёффер не будет, вы знаете, Бонхёффер не любит людей, которые говорят: вытащите меня из этого мира как можно быстрее, вы знаете, потому что этот мир не мой дом.

Я просто прохожу мимо. Ну, вы понимаете, что если этот мир не ваш дом, вы просто проходите мимо того факта, что мир не очень хорош. Знаете, мир действительно своего рода зло и так далее.

Бонхёффер не будет иметь ничего из этого. Этот мир был создан Богом, и от нас зависит сделать мир таким, каким его задумал Бог. Так что, по сути, мы живем в изначально хорошем мире, и он поместил нас в этот мир с определенной целью, в этом нет никаких сомнений.

Теперь, чтобы показать, насколько хорош мир, сам Бог пришел во плоти, в воплощении. Это показывает, насколько Бог заботился о своем творении, что он сам пришел во плоти. Итак, воплощение, для Дитриха Бонхёффера, является утверждением мира.

Итак, это очень, очень важно для него. Итак, хорошо. Теперь, говорит Бонхёффер, в терминах мира, говорит Бонхёффер, мы должны столкнуться с миром.

Мы, христиане, должны встречаться с миром. Мы должны быть в мире. Мы не должны жить в монастырях, но мы должны быть в мире, встречаясь с миром.

Как мы это делаем? Мы делаем это через церковь. Мы делаем это через тело Христа, через сообщество. Итак, церковное сообщество, тело Христа, встречается с миром, и оно встречается с миром тремя совершенно разными способами.

Итак, есть три способа, которыми мы живем в мире: мы сталкиваемся с миром, и мы участвуем в мире. Хорошо. Способ номер один — молитва.

Теперь, вы бы подумали, вы бы сразу сказали, Дитрих Бонхёффер, о чем ты говоришь? Молитва — это очень личное дело. Это дело внутри церкви и так далее. Нет, потому что мы молимся за мир.

Когда мы, в молитве, думаем о мире, мы думаем о мире, и как о творении Божьем, и как о мире, который нуждается в искуплении. Итак, молитва — это первый способ, которым мы встречаемся с миром. Во-вторых, мы иногда встречаемся с миром в страданиях.

В страдании. Если евангелие провозглашается правильно, то будут последствия за провозглашение этого евангелия, и церковь — страдающая церковь. Но страдания церкви означают, что она выполняет свою работу, сталкиваясь с миром.

Если церковь просто выглядит как мир, то она не выполняет свою работу. Она не является той церковью, которой Бог ее призывает быть. Ладно.

И третий путь, и вы не будете этим удивлены, потому что он хороший лютеранин, помните. Итак, третий путь - через ваше призвание, через ваше призвание. Вот как вы встречаетесь с миром, через ваше призвание.

Мы уже говорили, когда говорили об этом ранее, что все призвания одинаково достойны. Это хорошая лютеранская доктрина. Помните, что Бонхёффер собирается подхватить это.

Все призвания равноценны. Нет лучшего призвания и худшего призвания. Все призвания на одном уровне.

Итак, через наши призвания мы встречаемся с миром. В этом нет сомнений. Так что это действительно, действительно важно.

Хорошо. Теперь, в плане отношений с миром, вот где он вступает в обсуждение того, о ком мы должны заботиться в мире и какими должны быть наши отношения в мире с правительством. Итак, прежде всего, о ком мы должны заботиться в мире как церковь, как тело Христа? Какова наша ответственность заботиться о людях мира? Ну, мы должны заботиться, особенно об изгоях мира, бездомных, беспомощных и маргинализированных.

Это те люди, к которым мы должны постоянно обращаться. Хорошо. И что это означало для Бонхёффера? Это означало стоять на стороне евреев, потому что кто подвергался маргинализации? Кого убивали? Кого помещали в гетто? Кого отправляли в концентрационные лагеря? Это были евреи.

Итак, Дитрих Бонхёффер, уроки, которые он усвоил в Нью-Йорке и в чёрном сообществе, берёт с собой в Германию, и он сказал, что церковь должна стоять рядом с евреями. И поэтому он стоял рядом с евреями. И он даже работал от их имени, чтобы убить Гитлера, в этом нет никаких сомнений.

Ладно. Итак, вот один: о ком мы должны заботиться в мире? Когда мы смотрим на мир, кто должны быть те люди, которым мы должны служить? Номер два, теперь, какие должны быть отношения с правительством? Ладно. Ну, помните, он хороший лютеранин.

Итак, помните, он будет верить, что церковь установлена Богом, и правительство установлено Богом. Поэтому у него будет такое понимание церкви и государства. Вопрос в том, что вы делаете, когда государство превышает свою власть? Что вы делаете, когда больше нет государства, которое, очевидно, больше не является государством, установленным Богом? Что вы делаете, когда государство такое порочное, как нацисты? Что вы делаете? Ну, сказал Бонхёффер, мы также увидим это в фильме. Бонхёффер сказал, вы должны сделать три вещи.

Когда государство, и снова, видео покажет это, но когда государство действует как не государство, когда правительство действует как не правительство и, очевидно, переступает границы своей власти, вот три вещи, которые вы делаете. Номер один, вы должны напомнить государству об ограничениях его власти. Церковь должна иметь смелость говорить с государством, говорить с лидерами государства и напоминать государству, что его полномочия ограничены Богом.

Если вы выходите за рамки своих полномочий, Бог вас за это осудит. Это требует некоторой смелости, когда вы живете при Гитлере, чтобы напомнить этому

режиму, что он вышел за рамки своих полномочий. Но это первое, что вы делаете.

Второе, что вы делаете, это перевязываете раны жертв. Это немного связано с тем, что мы говорили ранее, но вы перевязываете раны жертв. Там, где есть жертвы злоупотребления властью, вы должны стоять рядом с ними и заботиться о них.

Вы перевязываете раны жертв, в данном случае евреев, для Бонхёффера, конечно. Затем, третье, образы, немного странные. Но если необходимо, если необходимо, сказал Бонхёффер, вы вставляете палки в колеса.

Теперь образ машины, едущей по дороге. Вы видите эту машину, едущую по дороге. Вам нужно пойти и взять большую палку, и вам нужно заклинить колесо машины, чтобы машина больше не функционировала.

Если необходимо, вы вставляете палки в колеса. Если необходимо, вы останавливаете эту машину от дальнейшего движения. Если необходимо.

Ну, он считал необходимым ввязаться в заговор с целью убийства Гитлера, поэтому он действительно вставил палки в колеса. Он пытался вставить палки в колеса. Другой образ, который он использует для этого, спросил Бонхёффер, это если бы вы увидели машину, едущую по дороге, и на дороге большая толпа людей, и машина едет по дороге, и за рулем сидит сумасшедший, который виляет во все стороны, и очевидно, что он собирается сбить всех этих людей, что бы вы попытались сделать? Вы пытаетесь сесть в машину и отобрать руль у сумасшедшего, отобрать управление машиной у сумасшедшего.

Ну, это легко понять, о чем говорит Бонхёффер, потому что нацистское правительство было похоже на машину, вышедшую из-под контроля, убивающую людей. Теперь пришло время запрыгнуть в эту машину, схватить руль и самим управлять машиной. Так что это три вида, с точки зрения отношения к государству, это три вещи, которые вы делаете.

Итак, это было важно для Бонхёффера. Хорошо, это Дитрих Бонхёффер, первый бэкграунд в теологии, просто эти теологические моменты, экклезиология, христология, религия и мир. Итак, мы собираемся двигаться дальше от Дитриха Бонхёффера, и я знаю, что мы увидим много воспоминаний и перспектив в течение двух дней, понедельника и среды, и у меня есть для вас небольшой листок, чтобы вы могли записать некоторые заметки.

Но есть ли вопросы, прежде чем мы увидим видео в понедельник? Есть вопросы о Бонхёффере? Довольно замечательный человек. Если вы собираетесь читать что-то одно, это должно быть «Ценой ученичества». Если вы

собираетесь читать вторую книгу Бонхёффера, она должна называться «Жизнь вместе».

Но есть ли вообще какие-нибудь вопросы о Дитрихе Бонхёффере? Один из нас с Тедом пойдёт на встречи Общества библейской литературы и Американской академии религии, а одно из обществ, в котором я состою, — это Международное общество Бонхёффера. Так что в Балтиморе пройдут три встречи Международного общества Бонхёффера, так что мы послушаем доклады о Бонхёффере и поговорим о последних книгах о Бонхёффере и тому подобном, так что это очень интересно. Хорошо, давайте перейдём к D, Второму Ватиканскому собору, потому что Второй Ватиканский собор был важной частью этого рода теологического развития от Дитриха Бонхёффера до настоящего времени.

Хорошо, и мы просто упомянем здесь Папу Иоанна XXIII. Давайте посмотрим, указал ли я его дату. Нет, не указал.

Я не думаю, что я его... Просто дай мне посмотреть. Ой, извини. Ты же знаешь, как я к этому отношусь, так что поймешь.

Ладно, мы переходим к... О, вот он. Ладно, благослови его сердце. Ладно, мы хотим упомянуть, и это в вашем списке, Папу Иоанна XXIII, 1881-1963.

Ладно, ладно, Папа Иоанн XXIII. Теперь, вот всего пара слов о нем как о Папе: он стал Папой в 1958 году, так что с точки зрения его папства, он был 58 против 63. Теперь, очень, очень интересно с избранием Папы Иоанна XXIII.

Кажется, что, в любом случае, Римско-католическая церковь не смогла прийти к соглашению с... О том, кто должен быть папой. Поэтому они выбрали этого парня, папу Иоанна... Он взял имя Папа Иоанн XXIII, и его называли временным папой. Он собирался заботиться о Римско-католической церкви до своей смерти, а затем мы поставим туда настоящего папу, в некотором смысле, того, кто действительно сможет повести нас в будущее.

Итак, Папа Иоанн XXIII, исполняющий обязанности Папы, и сюрприз, сюрприз, он вообще не был исполняющим обязанности Папы. И один из... Я думаю, у меня это есть, но дайте мне просто посмотреть, есть ли. Да, если нет, то нет.

Ладно, временный папа. Я думал, что вставил это в PowerPoint, но не сделал этого, так что благослови меня за это. Ладно.

Сюрприз, сюрприз, он почти сразу написал... Или не сразу, но во время своего папства он написал энциклику, которая была мощной энцикликой, и она называлась... И я не записывал ее, поэтому я прочитаю ее по буквам. Она

называлась Pacem, PACEM, PACEM, Pacem. А затем слово in, а затем слово terris , TERRIS, Pacem in terris .

И так Pacem in terris , что означает? Вы почти можете сказать это, глядя на это. Это означает что? Мир на земле, мир в мире, мир на земле. И то, что он делает как Папа, он вмешивается во все дела, пытаюсь принести шалом в этот мир.

И он говорит, что единственный раз, когда мы получим шалом, мир на земле, это когда будет сотрудничество между всеми нациями. Нации должны отказаться от своих притязаний на власть, и они должны признать все нации в равной степени достойными сидеть за столом и говорить о мире. Но Pacem in terris , мир на земле, важный документ середины 20-го века.

Теперь, вам пришлось бы жить в то время, чтобы понять, насколько важен был Pacem в Террисе, потому что мы были на грани... В какой-то момент мы были на грани ядерной войны. И вот опять, это был другой мир, отличный от вашего мира, я понимаю это, но вы не можете себе представить, каково это было, когда русские разместили ракеты на Кубе. И русские разместили ракеты на Кубе, в 90 милях от территории Соединенных Штатов, ядерные ракеты на Кубе.

Вы не можете себе представить, как это было. Мы затаили дыхание, потому что президент Кеннеди, теперь уже 22 ноября, говорил о своем убийстве, но президент Кеннеди собирался выступить по телевидению и произнести национальную речь по телевидению. Это были старые времена, поэтому мы говорим о черном и белом.

Мы говорим о том, как вам на самом деле пришлось подойти к телевизору, чтобы включить его. Вам на самом деле пришлось встать со своего места, чтобы включить телевизор. Вы можете себе это представить? Я имею в виду, это невообразимо.

И это также черно-белое. Нет цветного телевидения, так что это черно-белое. Я знаю, я сам, когда я узнал, что он произносит эту речь, я побежал домой и сел на диван с моими родителями просто, и мы были, вы могли почти, вы почти затаили дыхание, потому что то, что он сказал по телевизору, то, что сказал Кеннеди по телевизору, было то, что он говорил г-ну Хрущеву, уберите эти ракеты с Кубы, или иначе, и иначе была бы ядерная война.

Итак, и никто из нас не был бы жив, чтобы говорить об этом сейчас, я вам скажу. Так что это было, это было, было так близко, в некотором смысле, к ядерной войне, и мы просто, знаете ли, гадали, каким будет будущее. Теперь, посреди этого, того мира, мира 50-х, начала 60-х годов, Иоанн Павел XXIII приходит как человек мира и говорит с мировыми лидерами и своей католической церковью о Падуа Минтерос , мире на земле.

Теперь, этого было бы достаточно, в некотором смысле, но другое, что он сделал, это то, что он сейчас исполняющий обязанности папы, другое, что он сделал, он созвал еще один церковный собор, всемирный церковный собор, и он был назван Вторым Ватиканским собором, и номер два, прямо там, ниже, ниже, вы видите это в вашем плане, достижения Второго Ватиканского собора. Второй Ватиканский собор был созван в октябре 1962 года, всемирный собор, и позвольте мне сказать вам следующее: он изменил Римско-католическую церковь этим Вторым Ватиканским собором. Римско-католическая церковь — это другая церковь после Второго Ватиканского собора, чем она была до Второго Ватиканского собора.

Итак, то, что они думали, что будет временным папой, взорвало Римско-католическую церковь, и он не временный папа; он просто был. То, что он сделал, было удивительно. Итак, то, что мы собираемся сделать сейчас, это просто упомянуть несколько достижений Второго Ватиканского собора, так что это D2 в вашем плане, если вы следите за планом, некоторые достижения Второго Ватиканского собора. Вся Католическая церковь изменилась в результате этого.

Хорошо, просто перечисли их, но я не перечисляю их в необходимом порядке важности. Однако, одной из первых важных вещей о Втором Ватиканском соборе была месса на родном языке. Когда вы идете на мессу, вы услышите ее на английском, или испанском, или немецком, больше не на латыни. Так вот, я ходил на мессу до Второго Ватиканского собора, я ходил на мессу иногда с друзьями, и все было на латыни, так что я, у меня не было никого, я понятия не имел, что происходит, и, честно говоря, они тоже, потому что все на латыни.

Теперь, это все будет на разговорном языке, вы знаете, так что это довольно удивительный шаг, вы знаете, и так далее, так что. Хорошо, второе, что мы должны сказать, второе достижение, в некотором смысле, Второго Ватиканского собора, это экуменический диалог между католиками и другими христианами, своего рода открытие диалога между католиками и другими христианами, и после Второго Ватиканского собора, открытие диалога даже с нехристианскими религиями, так что своего рода выход из римско-католического анклава, чтобы встретиться даже с нехристианскими религиями. Итак, это было довольно примечательное событие, и вам, опять же, нужно было бы жить в 60-е годы, чтобы понять, насколько это было примечательно, в этом нет сомнений, но переселение христиан и нехристиан, христиан, переселение в экуменическом смысле к другим христианам, а затем даже расширение этого до переселения и общения с нехристианами, с иудеями, с мусульманами, с другими и так далее.

В каком-то смысле я являюсь продуктом этого. Причина, по которой я являюсь продуктом этого, заключается в том, что я получил докторскую степень в Бостонском колледже, а программа, в которую я поступил, была программой Бостонского колледжа, римско-католической школы, и Андовер-Ньютона, протестантской школы, и эта программа была совместной докторской программой. Сейчас Бостонский колледж выдает степень, но программа была программой протестантов и католиков вместе с докторской программой, так что это было очень интересно.

Так что, в каком-то смысле, я выиграл от того экуменизма, который он начал. Хорошо, еще одно, чего добился Второй Ватиканский собор, было своего рода распространение изучения Библии. Мы хотим, чтобы наши люди, наши добрые католики; мы хотим, чтобы наши люди изучали Библию, и мы хотим, чтобы они читали Библию.

Я думаю, можно честно сказать, что они были, и Библия была недоступна, недоступна на самом деле для мирян Римско-католической церкви вплоть до Второго Ватиканского собора. Теперь, после Второго Ватиканского собора, он поощряет изучение писаний, и происходит то, что многие ученые Римско-католической церкви вовлекаются в перевод, переводы и комментарии Библии. Итак, многие ученые Римско-католической церкви приходят в этот мир, и многие миряне Римско-католической церкви начинают изучать Библию, потому что они хотят учиться по Библии.

Это все из-за Ватиканского собора II. Это все из-за Иоанна XXIII, в этом нет сомнений, так что. И последнее, что он сделал, и, очевидно, мы просто приводим здесь некоторые основные моменты, чтобы дать вам представление о том, куда пошла Римско-католическая церковь, но последнее, что он сделал, это открыл обсуждение некоторых очень деликатных вопросов в Римско-католической церкви.

Позвольте мне сначала ответить на вопрос Хоуп, а потом мы, да, Хоуп. Латинская Вульгата была официальным переводом, или, да, официальным переводом, но после Второго Ватиканского собора они разрешили другие переводы, комментарии и своего рода открытие. Так что, когда читают библейскую запись, ее читают, или когда читают библейский текст, его читают на вашем языке.

И потом, какая-то красивая, у кого-нибудь из вас был Стив Хант? Вы принимаете его сейчас. Благослови ваше сердце. О, вы хотели принять его.

Вы сейчас его изучаете. А упоминает ли он Рэймонда Брауна в курсе? Он упоминает его много, потому что, безусловно, нет сомнений, что это один из великих ученых, я слышал его лекции три или четыре раза. Один из великих

ученых в Евангелии от Иоанна — Рэймонд Браун, и двухтомный комментарий Рэймонда Брауна в серии Anchor Bible — это действительно классический текст. Ну, это, видите ли, все это стало результатом Второго Ватиканского собора, так что мы можем поблагодарить Второй Ватиканский собор за это.

Теперь открывается множество вопросов. Позвольте мне упомянуть некоторые из тех, которые были раскрыты в диалоге с тех пор. Теперь, я не думаю, что Второй Ватиканский собор мог предвидеть все это, но они открыли диалог в Римско-католической церкви.

Но, например, женщины-священники. Будут ли у нас женщины-священники в Римско-католической церкви? Сейчас католики говорят об этом так, как они никогда не могли говорить до Второго Ватиканского собора. В этом нет никаких сомнений.

Сейчас Римско-католическая церковь далека от того, чтобы иметь женщин-священников, но это обсуждается. Вот пример. Контроль рождаемости.

Контроль рождаемости снова обсуждается. Католики не обсуждали это до Ватикана II. Они обсуждали это.

Теперь о браке священников. В предыдущей лекции мы уже упоминали, как англиканские священники пришли в Римско-католическую церковь. Теперь Римско-католическая церковь говорит о том, что римско-католические священники вступают в брак.

До Второго Ватикана такого никогда не было. Еще один, который я помню, только потому, что, знаете, это было мое время, и это харизматическое движение. Затем я думаю, что, вероятно, я рассказал историю, если бы я рассказывал историю, но когда я пошел в колледж Баррингтона в 1970 году, эта история звучит знакомой для кого-нибудь? И мой коллега по работе, когда я вошел в свой кабинет в первый день, кто-нибудь откликнулся? Хорошо.

Я зашёл в свой кабинет в первый же день в колледже Баррингтона, и они сказали: ну, ваш кабинет — это такое-то место. Так что я получил ключ, зашёл и открыл дверь в кабинет. Довольно большой кабинет, но он был просто заполнен, заполнен, заполнен книгами, картотечными шкафами и всем таким.

Итак, я знал. Затем, в углу был один маленький стол, пустой, поэтому я знал, что он мой. Итак, я сделал вывод.

Итак, я вошел, а затем, после того, как я был в офисе около 15 минут, пришел и заполнил дверь, потому что он был высоким, крепким парнем, был англиканским священником, воротник, крест и все такое, Терри Фулхэм,

который является выпускником колледжа Гордона, и он был моим коллегой по офису. Итак, я встретился со своим коллегой по офису. Я никогда раньше не встречал англиканского священника, так что это было для меня в новинку.

Но мы не были, я не был вместе очень долго, прежде чем я узнал, что он был харизматичным англиканским священником, и это сделало это еще интереснее. И затем в первые несколько недель, он сказал, теперь, мне нужно как бы просветить вас. Он сказал, вы должны понимать, что в штате Род-Айленд, который, кстати, является самой высокой концентрацией на душу населения римских католиков в стране, на душу населения, теперь это небольшой штат, поэтому самая высокая концентрация на душу населения римских католиков в штате Род-Айленд, который был местом рождения харизматического движения обновления Римско-католической церкви.

Итак, он сказал, мы будем вас просвещать. И он начал водить меня на харизматические встречи римских католиков, которые были очень интересны в церквях, заполненных харизматичными католиками. А в конце была месса, так что.

Но Римско-католическая церковь, это одна из тем, которую они смогли обсудить после Второго Ватиканского собора. Что такое харизматическое движение, и должна ли Римско-католическая церковь участвовать в нем? Итак, Второй Ватиканский собор, само собой разумеется, что церковь отличается из-за Второго Ватиканского собора и из-за Иоанна XXIII. С тех пор она уже никогда не была прежней. В этом нет никаких сомнений. Хорошо, давайте перейдем к Е, теологическим движениям, противостоящим модернизму в постмодернистском мире.

Мы начнем с некоторых определений, и я знаю, что вы, вероятно, уже проходили их на других курсах, поэтому я собираюсь дать им определения довольно, довольно быстро здесь. И у вас они есть, они перечислены здесь, современность, просвещение, модернизм, постмодернизм, так что. Хорошо, хорошо.

Прежде всего, современность. Давайте просто дадим определение современности. Современность началась в 18 веке.

Это было отнесено, в некотором смысле, к 18 веку, потому что в 18 веке в западном мире возникла своего рода уверенность в том, что человечество может думать самостоятельно. Так что это было своего рода, в некотором смысле, опорой на интеллектуальные способности человечества. И поэтому оно получило такое определение, оно получило такого рода разговоры о современности таким образом.

Мы способны думать сами за себя. Мы способны рассуждать сами за себя и рассуждать, понимаете, так что. Это одно.

Второе — просветление. Опять же, вы уже слышали эти определения. Но просветление, в каком-то смысле, происходит примерно в то же время.

Но на самом деле было, что является акцентом на разуме, чтобы осмыслить мир. Так что просвещение - это акцент на том факте, что мы способны, с помощью нашего разума, осмысливать мир, осмысливать философский смысл, осмысливать научный смысл мира и осмысливать культурный смысл мира. Без посторонней помощи мы способны это делать.

И это своего рода возвещает о таком периоде, который стал известен как период просвещения. Так что, в некотором смысле, это отняло у тайн мира. Однако, и мы уже упоминали об этом раньше, когда говорили об Иммануэле Канте.

Однако, к счастью, в эпоху Просвещения были люди, которые говорили: помните, что рационализм имеет свои ограничения. Рационализм — отличительная черта Просвещения, но помните, что рационализм имеет свои ограничения. Есть некоторые вещи, которые мы не можем познать только разумом.

А для Иммануила Канта это означало Бога, например. Это, безусловно, означало загробную жизнь, например. Это, безусловно, означало, что одним лишь разумом мы не можем прийти к пониманию этики, морали и так далее.

Итак, здесь есть ограничения. Номер три — модернизм. Что бы мы назвали модернизмом? Модернизм — это применение 19-го века к тому, чему мы научились в 18-м веке.

Итак, модернизм берет то, чему мы научились у Просвещения, и применяет это к 19 веку. Хорошо. Теперь, это имело три результата.

Итак, модернизм, серьезное отношение к Просвещению, применение его к 19 веку, есть три результата. И я только что упомянул их вкратце, потому что мы уже упоминали их в курсе. Три результата — это номер один, безусловно, критическое отношение к доктрине, даже скептическое отношение к доктрине, и к доктринам церкви, доктринам, которые церковь провозгласила в 19 веке, и особенно доктрины, которые имели отношение к христологии, особенно доктрины, которые имели отношение к природе Христа и спасению, сотериология.

Итак, это действительно было частью того, что мы называем модернизмом в 19 веке, это очень скептическое, критическое отношение к христианским доктринам. Номер два — это то, о чем мы уже упоминали достаточно много раз в курсе; мы уже устали от этого, но номер два — это позитивное отношение к библейской критике, действительно серьезное отношение к библейской критике, и даже радикальной библейской критике, довольно серьезное отношение к этому. Итак, позитивное отношение к библейской критике, своего рода приветствие библейской критики без осознания ее ограничений, своего рода полное ее поглощение.

Итак, это номер два. И номер три, вы не будете этим удивлены, но номер три будет определять христианскую веру этикой, а не доктринами. Итак, христианская вера определяется этической жизнью и моральной жизнью, а не теологическими измерениями веры.

Итак, как мы уже упоминали сто раз в курсе, Иисус становится хорошим человеком. Он становится для нас хорошим моральным примером. Мы хотим следовать этому моральному примеру.

Вот это и есть модернизм. Это то, что мы имеем в 19 веке. Теперь мы также будем говорить о постмодернизме и просто упоминать постмодернизм.

Мне нравится, что сказал один человек о постмодернизме. Это, конечно, расплывчатое и неопределенное понятие. Итак, постмодернизм, как часто вы говорите о постмодернизме на своих курсах в Гордон-колледже? Очень часто.

Итак, это неопределенное и неопределенное понятие. Я думаю, что это так. Я не уверен, что это такое, но, полагаю, я узнаю это, когда вижу.

Итак, мы живем, я полагаю, мы живем в постмодернистском мире. Итак, что я хочу сделать, так это упомянуть четыре типа того, что я считаю характеристиками постмодернизма. Теперь подумайте об этих характеристиках больше.

Не думайте о них в терминах всех остальных курсов. Думайте о них больше в терминах доктрины. Думайте о них больше в терминах теологии.

Вот это нас и интересует. Ну ладно. Ладно.

Теперь, номер один, конечно, в постмодернизме - это отсутствие уверенности, как у Просвещения была уверенность в способности разума, в способности рациональности обеспечить основы для нашей жизни. Так что уверенность в том, что Просвещению пришлось использовать неподготовленный разум, чтобы

как бы построить основу для жизни, в постмодернизме отсутствует. Постмодернизм больше не считает это правдой.

Итак, это одна характеристика. Хорошо. Вторая характеристика.

И вторая характеристика — это то, что разум не может обеспечить моральную основу для жизни, в которой мы сейчас живем. Так что вы не можете использовать разум, чтобы обеспечить, доставить своего рода мораль. Так что это номер два.

Ладно. Номер три — это бунт. Бунт против чего? Бунт против, ну, двух вещей.

Во-первых, есть бунт против власти, будь то авторитет церкви, авторитет книги вроде Библии или авторитет лидеров церкви. Но это, безусловно, бунт против власти, в этом нет никаких сомнений. И это бунт против традиции.

Бунт против традиции. Не рассказывайте мне о церкви на протяжении 2000 лет, традиции церкви, традиционных учениях церкви и т. д. Нам неинтересно знать эти вещи.

Итак, это нормально. И, наконец, номер четыре — это своего рода релятивизм. Релятивизм процветает в постмодернистском мире, потому что каждый делает свое дело, и каждый думает о своих собственных мыслях и так далее.

Нет авторитета за пределами вашего собственного мышления, ваших собственных мыслей и так далее. Так что, я думаю, вот куда привел нас своего рода постмодернизм. Затем это приводит нас к номеру два, а затем к номеру три, естественно, к природе христианского богословия сегодня.

Но номер два — это критика христианской теологии Просвещением. Итак, ладно. Критика христианской теологии Просвещением, и куда мы идем оттуда? Я дам вам пятисекундную паузу, потому что мы много здесь писали.

Благослови ваши сердца. Вы готовы к этому Дню благодарения. Я просто смотрю на вас сверху вниз.

Ты готов к этому. Тебе это нужно. Ты отчаянно этого хочешь.

Итак, кто-нибудь из вас может покинуть кампус сегодня? Или у вас занятия в понедельник? У вас занятия в понедельник. Занятия во вторник? Занятия во вторник. Хорошо.

Итак, некоторые из вас, возможно, сегодня покидают кампус. Хорошо. Еще две секунды для вашего перерыва.

Все в порядке? Ты держишься? Ладно. Критика христианской теологии Просвещением. Мне не нужно вдаваться в подробности, потому что критика христианской теологии Просвещением — это критика основных христианских доктрин, а вы бы знали, что это за доктрины.

Доктрина Троицы, Доктрина Христологии, Доктрина Святого Духа, Доктрина христианской жизни. Я имею в виду, вы могли бы назвать их для меня. Поэтому мне не нужно проходить критику Просвещения христианской теологии, то, о чем мы говорили, или какие-то конкретные вопросы.

Теперь, однако, это приводит нас к вопросу номер три, о природе христианской теологии сегодня. Что насчет христианской теологии сегодня? Что мы собираемся с этим делать? Итак, хорошо. Ну, теперь мы получим это на конференциях, на которые пойдем на этой неделе.

Мы услышим, как люди занимают всевозможные позиции относительно природы христианского учения. Какое место оно занимает сегодня? Итак, хорошо. Ну, в принципе, если бы вы пошли на лекции и прочитали бы статьи обо всем этом, вы бы услышали три предлагаемые позиции, и они, в некотором смысле, находятся в оппозиции друг к другу.

Ладно? Позиция номер один определенно будет выбросить христианскую доктрину. Избавьтесь от нее. И причина, по которой вам нужно от нее избавиться, заключается в том, что христианская доктрина представляет собой мегаисторию.

Христианская доктрина представляет большую историю Бога и творения, падения и спасения по благодати и так далее. Поэтому в постмодернистском мире не может быть большой истории. В постмодернистском мире важна моя история и ваша история, но у нас не может быть мегаистории.

Итак, будет представлено множество докладов, которые фактически говорят следующее. Выбросьте христианскую доктрину. Выбросьте христианскую теологию, потому что они представляют собой мегаисторию, и мы покончили с мегаисторией.

Мы больше этого не хотим. Нам это больше не нужно. Важна только индивидуальная история.

Итак, вы бы много такого услышали. Если бы мы так считали, то у нас бы не было этого курса. Мы бы остановились на первом же дне и сказали: хорошего семестра, потому что если вы собираетесь это выбросить, выкиньте и не изучайте.

Итак, ладно? Итак, номер два — это христианская доктрина, христианская теология. Номер два — это второй вид статей, которые вы могли бы услышать, это то, что вам нужно сохранить доктрину. Вам нужно сохранить теологию.

И причина, по которой вы должны это делать, заключается в том, что это наиболее подходящий способ подтвердить библейскую историю. Библейская история, Библия дает нам историю. Христианское богословие и христианская доктрина объясняют историю и Библию.

Он также не только объясняет Библию, конечно, но и объясняет традиции церкви. И я имею в виду церковь с большой буквы, не вашу конфессию или мою конфессию, а тело Христа. Вы услышите много докладов.

Это как бы противоположно тому, что мы говорили в начале. Хорошо. И потом третье, что мы сказали, это может подойти, это подошло бы во второй, но не подошло бы в первый, потому что первый говорит: выкиньте все, ничего с этим не поделаться.

Но это вписывалось бы во второй, но был бы спор о том, как это вписывалось бы во второй. Третий тип статей, которые вы бы услышали, это постоянная проверка обоснованности доктрины и теологии. То есть, доктрина и теология хороши, но вы должны действительно проверить их.

Вы должны увидеть обоснованность этого. И где вы видите, как это обосновано? Вы видите, как это обосновано в более широкой культуре, в более широком мире, в котором вы живете. Есть ли обоснованность в доктрине и теологии, которые вы поддерживаете? Это обосновано в более широкой культуре? И это обосновано в жизни отдельного верующего? Есть ли там обоснованность? Слово, которое я имею в виду, это есть ли связь между доктриной и теологией, которая действительно помогает объяснить, помогает как-то осмыслить нашу жизнь и мир, в котором мы живем? Такого рода убеждение можно связать с номером два.

Этому можно научить, и статьи могут читать люди, которые верят, что это способ подтвердить Библию. Но этому также могут научить люди, которые как бы оторваны от номера два, от Библии и традиций церкви, потому что доктрина всегда новая в каждом поколении. Так что здесь нужно быть осторожным с номером три.

Зависит от того, кто эти люди, которые это поддерживают. Зависит от того, насколько серьезно они относятся к Библии и традициям церкви. Но это были бы три мнения о том, что делать с христианской доктриной и как вам следует подходить к христианской доктрине и христианской теологии сегодня.

Никаких сомнений. Итак, хорошо, теперь это приводит нас к пункту F: христианство смотрит на себя и другие религии. Итак, сначала поговорим о диалоге с римскими католиками.

И я не знаю, вы знаете, некоторые из вас были на докладе, который был представлен об экуменизме и диалоге протестантов с католиками. Но диалог между протестантами и католиками, исторические отношения, исторические изменения, характер диалогов и продолжающиеся соглашения и разногласия. Итак, хорошо, во-первых, есть исторические отношения, которые протестанты имеют к католикам, а католики к протестантам.

Теперь, некоторые из вас слышали Марка Нолла, верно? Разве некоторые из вас не ходили на лекцию Марка Нолла? Я думаю, некоторые ходили. Да. Ну, он, это была отличная лекция, кстати.

Я имею в виду, я надеюсь, что вам понравилась его статья, и вы просто погрузились в нее и так далее. Но он написал книгу под названием *Is the Reformation Over?* И в книге *Is the Reformation Over?* он доходит до этого вопроса диалога между католиками и протестантами. Это замечательная книга.

Вам стоит включить ее в список летнего чтения. Вам стоит, поэтому мы дали вам то, что дали вам сегодня. *Casa Discipleship, Life Together, Is the Reformation End?* Итак, мы дали вам несколько хороших книг для списка летнего чтения. Хорошо.

В книге он говорит о проблемах, которые есть у протестантов с католиками, а затем о некоторых проблемах, которые есть у католиков с протестантами. Так что это исторически сложившиеся отношения. Давайте просто упомянем пару проблем, которые есть у протестантов с католиками.

Одна из проблем у них в том, что они думают, что все католики учат нас спасению делами. Так что протестанты действительно думают, что спасение через добрые дела — это католический путь. Так что они как бы критикуют католиков за это, в этом нет сомнений.

Они также считают, что католикам не дают читать Библию. Они считают, что это историческое отношение протестантов к католикам. Им не дают читать и изучать Библию, и церковь не позволяет им читать и изучать Библию.

Они не могут иметь доступа к Библии. Так что у них такое отношение. Так что, ладно.

Они также считают, что Мария была слишком возвеличена в Римско-католической церкви. Вы сделали Марию соискупительницей со Христом. Вы возвели Марию.

Римско-католики слишком возвеличили Марию. Так что, ладно. Они также считают, что иерархия Римско-католической церкви, то, как Римско-католическая церковь как бы установлена с Папой и ниже, как бы лишила людей священства всех верующих, как бы отняла у католиков тот факт, что они могут быть священниками друг для друга.

Может быть, не в проповеди или совершении таинства, но в том, что они могут быть священниками друг для друга, молясь друг за друга, наставляя друг друга и все такое. Но протестанты считают, что римские католики не могут быть священниками друг для друга, что они лишены этого из-за этой строгой иерархии, которой они управляют. Так что есть такого рода отношение.

Теперь, с другой стороны, у римских католиков проблемы с протестантами. С точки зрения исторических взглядов, римские католики считают, что у протестантов проблемы. Ладно.

Позвольте мне упомянуть, у меня есть около двух минут, поэтому позвольте мне упомянуть одну вещь. Римские католики считают, что у протестантов есть проблема с толкованием Библии. Поскольку Библия не толкуется церковью, это означает, что каждый Том, Дик и Мэри, каждый Том, Дик и Мэри, каждый имеет свою собственную интерпретацию Библии.

И к чему это приведет? Вот как католики думают о протестантах. К чему это приведет? Это приведет к хаосу. Так что это плохие новости, насколько они обеспокоены.

Во-вторых, католики считают, что протестанты не понимают работу Святого Духа в церкви. Потому что Святой Дух действует в церкви, в теле Христа, особенно через учительские офисы церкви, чтобы дать людям то, что им нужно знать в плане их собственного спасения. Римские католики считают, что мы гораздо более ориентированы на сообщество в теле Христа и на Святого Духа, действующего через нас, чем протестанты.

Поскольку протестанты слишком добры и индивидуализированы, конечно, римские католики считают, что протестанты пренебрегли Марией. Ну, мы уже говорили об этом, когда говорили о Марии.

Но я считаю, что католики слишком много сделали из Марии, а протестанты слишком мало. Но нет сомнений, что они считают, что протестанты отвергли Марию и не сделали достаточно для Марии. Они считают, что протестанты

отказались от семи таинств, что большинство протестантов отказались от того, что католики считают семью таинствами церкви.

И мы уже говорили и упоминали эти семь таинств. И они считают, что протестанты не очень хорошо справились с этой задачей. И, наконец, они верят, что католики верят, что протестанты не понимают апостольской преемственности и апостольского авторитета.

Это из-за апостольского авторитета епископов и так далее, епископов, соборов и пап. Это из-за того, что протестанты не сохранили этот апостольский авторитет учительских должностей церкви, они открыли дверь для мнения каждого, для секуляризации и так далее. Так что есть такого рода исторические отношения.

И что мы сделаем в следующий раз, когда будем читать лекцию, которая не будет еще неделю, полторы недели, но что мы сделаем, так это просто закончим это в терминах христологии, христианства, ищущего себя в других религиях. Затем я сделаю несколько замечаний о завершении курса. Хорошо.

Надеюсь, у вас будет замечательная неделя Дня благодарения. Когда бы она ни началась, для некоторых из вас она может начаться прямо сейчас, когда вы выйдете за дверь. Благослови ваши сердца. Я не знаю, когда она начнется, но желаю вам замечательного Дня благодарения.

Когда мы вернемся, мы увидим видео в понедельник и среду. В среду вы даёте мне четыре вопроса из текстов в среду на следующую пятницу и следующую среду. У нас все ясно по этому поводу.

Мы к этому готовы. Желаем вам чудесного Дня благодарения. Увидимся.

Это доктор Роджер Грин в своем курсе истории церкви «Реформация до наших дней». Это сессия 26 по Дитриху Бонхёфферу.